

Мои истории

фото Сергея Снегурова

Любовь Аксенова ни за что не соглашается, чтобы ее называли художником-модельером, хотя, по сути дела, она таковой и является. В свое время работала с Вячеславом Зайцевым и обшивала весь певческо-артистический бомонд 70-80-х годов. Судьба свела Аксенову с необыкновенными людьми: Аллой Пугачевой, Тамарой Синявской, Татьяной Шмыгой, Михаилом Ульяновым и многими другими.

Собеседник - 1996 - № 1 - С. 11.

СПИМ МЫ КАК-ТО С ПУГАЧЕВОЙ...

А началась ее «звездная» жизнь со случайного знакомства с Аллой Борисовной в 1976 году. Зинаида Давыдовна — мать певицы — позвонила ей и попросила сшить для дочери платье, чтобы та могла спокойно лететь в Сопот. Вышла Люба из дома — встретить певицу — и, слетев с модной тогда «платформы», сломала себе ногу. Так что обратно в квартиру портниху принесли уже с переломом. Однако на работоспособности молодого модельера-конструктора это не отразилось: платье в Сопот для Пугачевой было готово.

Зато перед поездкой на второй фестиваль, в 1977 году, произошла целая история. О том, что Пугачевой надо ехать в Польшу, стало известно только в пятницу вечером. В выходные мастерская «Мосфильма» закрыта. Сложность работы состояла в том, что нужно было красное платье с черными переливами. Выходит, наряд необходимо было красить — с помощью туши и спирта, которого на 15 метров шифона взять, естественно, было неоткуда. Пришлось Любе идти в ближайший магазин и затариваться денатуратом — другой замены спирту не придумалось. Сидит она дома, красит, разводит и чувствует, что пьянеет со страшной силой. Перед глазами — круги, голова в тумане. Побежала Люба по соседям — стрелнуть молока, чтобы хоть как-то прийти в себя. В каком «приподнятом» состоянии красились последние метры ткани, как горячим утюгом разглаживался испаряющийся спирт, описанию вообще не поддается. После этого обессиленная «веселящими» парами Люба рухнула на постель и проспала аж до воскресенья, хотя наряд ждали в субботу вечером. Звонит она Алле, а та ей трагическим голосом: «Мне теперь все равно, что ты там сделала. У меня — проблемы!» Помчалась Люба к Пугачевой. Та сидит в кресле, на голове чалма. Вот-вот разревется. Оказывается, в парикмахерской «Волшебница» ее уже «собрали»: передержали химию, и на гениальной голове образовалось нечто невообразимое в стиле «а-ля Анджела Дэвис», но куда пышнее и объемнее. О дальнейших подробностях этой истории Любовь Аксенова рассказала так:

— Я показываю сшитое мною платье, и вдруг Пугачева преображается: «Я спасена! Образ шизы создан!» До этого скромная незаметная Пугачева в стиле девушки-селянки «посидим-поокаем» неожиданно превратилась в роковую женщину...

— Вообще же, когда я постоянно работала у Аллы, — продолжает Люба Аксенова, — случалось немало странных историй. В 1979 году в Минске мы жили в одном номере. И вот спим мы рядом, ночь теплая, и потому окно открыто. И вдруг раздается какой-то странный шорох и возня. Просыпаюсь и вижу: в окно к нам ломится огромный мужик — глаза бессмысленные, трусы в клеточку, а больше на нем ничего нет. Оглядываюсь в немом ужасе, ищу взглядом что-нибудь тяжеленькое и обнаруживаю только большие портяжные ножницы, которые лежали рядом, на трельяже. Схватила я их и что было сил кричу:

— Вася, просыпайся, на нас нападают!
— У-уууу! — отвечает Алла густым солидным басом, но глаз не открывает. Делать нечего — приходится чуть ли не кидаться с ножницами на непрошеного посетителя:

— Уходи! Иначе два удара — четыре дырки!
— А сама дрожу от страха. И мужик ретировался, кажется, тоже перепуганный и явно не понимающий, что происходит. Потом Пугачева страшно смеялась и доказывала, что все слышала, хотя, по-моему, даже не просыпалась. Правда, с тех пор окна мы стали закрывать. Несмотря на подобные казусы, Алла пользо-

валась у публики не только большим успехом, но и глубоким уважением. Как-то зимой мы ехали в Челябинск. И вдруг состав остановился: дальше ехать было невозможно — снегопад. Вышли мы из поезда подышать свежим воздухом и увидели странную картину: хорошо одетые люди, взяв кирки и лопаты, расчищают путь. Это были зрители, пришедшие на концерт и краем уха услышавшие о снежном заносе на краю города. Они делали все, чтобы Алла только вышла на сцену. Но и недоброжелателей у Пугачевой, конечно, всегда хватало. Зимой восьмидесятых года Алла выступала в Минске и у нее начался страшный грипп. Вызвали врачей, которые прописали антибиотики: днем — супрастин, а на ночь — димедрол. При этом у Аллы было три концерта: в двенадцать, три и семь часов вечера. Я выдала пациентке таблетки, но по рассеянности перепутала супрастин с димедролом, и она заснула. Приезжает машина — Алла спит, пробудиться невозможно. Администрация — в бешенстве, весь Минск — на ушах: «Пугачева страшно напилась, не может концерт вести!» «Винюница торжества» отреагировала на все происходящее одной фразой: «Ах ты мой Сальери в юбке!» Вообще же она всегда снисходительно относилась к чужим слабостям, но ей люди частенько не прощали ничего: ни славы, ни удачливости.

Вспоминается еще один случай, с которого, по-видимому, и начались многочисленные слухи о «пугачевских пьянках». Было это в Питере — в «Юбилейном», в начале восьмидесятых. Вообще Алла никогда не пьет, если надо выступать перед публикой. Все знают, что голосовые связки у артистов сильно напрягаются, и ей прописали травяные отвары специфического янтарно-коньячного цвета. Носила она их в плоских коньячных бутылочках — это самая удобная тара, положишь в спортивную сумку — и никаких забот: и места мало занимает, и крышка удобная. И вот распевается Алла перед концертом и периодически отхлебывает отвар из бутылочки. Вдруг дверь осторожно коньячно-янтарно открывается, и на нее подозрительно смотрит администратор, еще кто-то, потом конференсье — ну прямо неотступный интерес. Вышла я в коридор, а между ними сплетни до небес: «Ничего себе зашибает баба!» Мне стало обидно: никому и в голову не пришло, что это — всего лишь лекарство. А Пугачева сделала другой вывод: «Все! Больше в таких бутылочках ничего не носим!»

Умеет Пугачева и ловко скрываться от настойчивых поклонников. Как-то в Москве после ее выступления в «Олимпийском» я вышла с Кристиной, натянув рыжий парик, с огромными букетами цветов, закрывающими лицо. Кристина была еще маленькая. Испуганно вцепившись в мою руку, она стремилась поскорее проскочить дистанцию от главного входа к служебной машине. Но не тут-то было. Разъяренные фаны с криком: «Скорей — Пугачева!» ринулись на меня с требованием автографов, но, узнав о подмене, возмущенно двинулись дальше, прямо через нас, не обращая внимания на ребенка. Нас чуть

не смели, у Кристины — все лицо в ссадинах, а у меня выдрали с корнем все пуговицы от пальто. Тем временем Алла, не зная, что происходит с ребенком, потихоньку выбралась через служебный выход и ретировалась на своей машине. Но это — исключительный случай, обычно подобные номера проходили у нас без проблем.

Зато ее популярность не раз «вытаскивала» других из крупных неприятностей. Как-то в том же питерском «Юбилейном» стоит Пугачева после выступления на сцене, а навстречу ей с огромным букетом цветов поднимается мужчина и прямо в микрофон кричит: «Слушай, а спой ту песню, которую мы с тобой в зоне на нарах пели!» Алла оцепенела, кто-то побежал за милицией, а «кореш» поспешно смылся. В это время произошла «смена караула»: возле певицы уже другой — представительный, в черном бархатном костюме, явно иностранец. Милиция — к нему, разбираться времени нет, мало ли что еще выкинет: тот, не тот... И тут Пугачева берет микрофон:

«Твои автографы сделали свое дело. Отпустили».

Еще один поразительный случай Алла рассказала на отдыхе. Когда-то она работала с «Веселыми ребятами». Было это на гастролях в ФРГ. После первого отделения концерта у нее страшно болели ноги, и она сняла туфли и поставила их за занавесом. А кто-то из друзей решил пошутить, переставив обувь за портьеру. Начинается второе отделение, она ищет туфли. Время идет, а обуви нет. Тогда Алла плюнула на поиски и продолжала выступление босиком. Наутро все газеты писали одно и то же: «Русская певица позволила себе выйти на сцену босиком. Что это значит? Она такая бедная или это очередной рекламный трюк?..»

— Что это я закинула на одной Пугачевой, — вдруг сказала Люба Аксенова, — ведь в моей жизни было много историй, связанных и с другими знаменитостями. Как-то Сергея Захарова пригласили на фестиваль «Красная гвоздика» в Сочи. Его только что

выпустили из тюрьмы, после девяти месяцев заключения. Все Сергея оберегали, он старался не пить. Тем более что Иосиф Кобзон постоянно ему внушал: «Как ты себя будешь вести, так и сложится твоя дальнейшая карьера». Но мир не без добрых людей, и у Сергея нашлись «доброжелатели» в лице композитора Гарина и одного администратора. Подошел Гарин к Захарову и давай подначивать: «Ты что — слабак? Слушаешь каких-то партократов. Не выпьешь — не мужик!» Я не выдержала такой наглости и говорю: «Гарин, отцепись! Иначе трех дней не проживешь!» Что самое страшное — на четвертый день его действительно убили. Теперь я боюсь говорить что-нибудь подобное, еще накличу беду. Но глаз у меня чаще всего все-таки «добрый». Зная это мое «колдовское» качество, ко мне часто перед выступлением подходили и Тамара Синявская, и Алла Пугачева и просили хоть что-нибудь им пришить: пуговку, крючок — на удачу. Они уверяли, что это им здорово помогает.

Вообще же люди очень часто не берегут друг друга. Когда Анатолий Папанов снимался в Сочи в фильме «Пена», он каждые полчаса пил валидол — болело сердце. Но ему постоянно предлагали «освежиться» чем-нибудь крепеньким, рассчитывая на присущую ему безотказность.

Как-то на съемках фильма «Тегеран-43» ко мне пришел Игорь Костолевский с просьбой сшить ему подходящий костюм. И вот он появляется на последнюю примерку в совершенно непривычном виде — весь в шрамах, битый-перебитый, в какой-то затрепанной одежке. Я в шоке. Не сразу узнала его, даже боялась впускать. — Что с вами? — спрашиваю.

— Производственная травма, Люба, ничего страшного!

В квартире у меня было полно народу, и Костолевскому совершенно некуда было даже сесть. Только на кровать. Он не смутился и даже согласился сфотографироваться. Так у меня появилась фотография «Костолевский на кровати». Потом никто не мог поверить, что он — не мой любовник. А Игорю все в кайф, никаких комплексов.

А вот когда я шила Михаилу Ульянову, он всегда очень долго привыкал к новому шикарному наряду. «Лучше, чтобы новая вещь была поскромнее!» — просил он. Когда его наградили орденом Ленина, то, пригласив всех друзей к себе на дачу и усадив за стол, Ульянов попросил: «Я сейчас выйду на минуту, а когда войду — не хлопайте!» И действительно, когда он вернулся — в скромном костюмчике, а на нем блистала награда, — никто не решился на аплодисменты. Но когда он впервые появился в моей квартире и неожиданно натолкнулся на мою маму — простую женщину, которая не ожидала увидеть поутру «натуральную» знаменитость, он не растерялся.

— Ой, сокол ты мой! — воскликнула смущенная мама.

— Да не сокол я, не сокол! — парировал Ульянов.

Ну да ладно, на сегодня хватит. О других историях — в следующий раз.

Подготовила
Галина АГРАНАТ.

коллаж Александра Кулакова

«Внимание, товарищи! Вы знаете, кто перед вами?! Карел Готт!» Так ни о чем не подозревавший «Карел» волей случая избежал катаклизмов. Тем более что поклонников у Аллы хватало и в рядах милиции.

Как-то сидим мы у нее дома, пьем чай, вдруг влетает тогда еще совсем молодой Боярский и возбужденно требует: «Алла! Дай ради Бога несколько пластинок с автографами! Меня милиция остановила, не отпускает. Я им сказал, что спешу к Пугачевой, а они не верят. Что делать?» Пришлось Мише выдать, что требовалось. Через несколько минут Боярский вернулся с документами, счастливый: